

ЯЗЫК И ПРАВО В СВЕТЕ ЗНАКОВОЙ ТЕОРИИ Ф. ДЕ СОССЮРА

К.Х. Рекош

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье сравниваются два общественных установления (institutions): язык (в функции вербализации) и право (регулирующая конструкция) как разные семиотические системы на основе признаков, предназначенных Ф. де Соссюром для языка. Для изучения правовой конструкции к методологическим параметрам Соссюра (деление на внутренние и внешние аспекты, произвольность знака, линейность означающего, изменчивость/неизменность, непрерывность, различия/тождества, синтагматика/парадигматика) следует добавить параметры, характеризующие знаковую систему с материальной и структурной точек зрения (иерархичность, пирамидальность, системность, соотношения рода/вида, общего/частного), а также принципы и средства выражения основополагающих правовых категорий нормативности.

Ключевые слова: дихотомии знаковой теории, произвольность знака, непрерывность во времени, избыточность, отношение к действительности.

Универсалии семиотики позволяют сравнивать не только дискурсы разных наук, но и системы институтов в целом и их составляющие элементы. Именно Ф. де Соссюр предложил использовать знаковую теорию для сопоставления разных общественных установлений [7, с. 54], подтверждая различия между языком и правом, которые заключаются в их целях, предназначении, отношении к действительности и соответственно функциях и функционировании.

Рассмотрение любого явления будет более релевантным (pertinent) при изучении не только его происхождения (Аристотель), но и его общеправовой основы [8, с. 9]. Семиотика даёт возможность сравнить логико-философскую основу двух общественных установлений языка и права благодаря теории семантического (семиотического) треугольника Г. Фреге, различению синтактики, семантики и прагматики, а также знака и семиозиса Ч. Пирса [5], рассматриваемого как процесс формирования знака (знаковой системы). В свете семиологии¹, изучающей жизнь знаковых структур, Ф. де Соссюр ставит

перед лингвистом задачу определить, что «выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений» [6, с. 54]. По отношению к праву интересно понять, в какой степени право как знаковую систему можно сравнить с языком как общественным установлением на основе единой теории. Дихотомии, применённые Соссюром к языку (частично заимствованные у Школы экзегетики), являются по существу универсальными характеристиками знаковых систем. Проблема сопоставления языка и права в свете знаковой теории является особенно актуальной в междисциплинарных исследованиях.

Эволюция западноевропейского правового знания от его истоков до современности показывает, что право из обычного (основанного на природе вещей) дискурса периода античности превратилось в (нормативную) конструкцию, полностью сменив античную парадигму. Выражение «право – это дискурс» – скорее метафора (теории коммуникации) в том смысле, что язык визуализирует (репрезентирует) собственными средствами правовую конструкцию, которая непосредственно регулирует действитель-

¹ Термины семиотика и семиология различаются по значению как искусство (в греческом смысле слова) и наука, Соссюр использовал термин «семиология». Пирс описывал знак в динамике (семеозис) [8, с.14].

ность. Таким образом, речь идёт о дискурсивной структуре права, ибо писаное право – результат взаимодействия дискурсов.

В лингвистическом исследовании следует кратко напомнить онтологию континентального права, которое действует как правосознание и как регулятор². Объёмный характер правовой конструкции невозможно продемонстрировать с помощью линейного языка, его легче изобразить в виде модели или схемы. Знаковая теория даёт параметры, преодолевающие линейность языка, и включает не только языковые признаки.

Право изучается в свете разных наук: юридической логики, риторики, лингвистики, теории аргументации и юридической семиотики³. Слово «юридический» добавляется, чтобы показать, что отношение этих наук к праву имеет некоторые особенности, например, среди логиков различают формалистов и антиформалистов. Ж. Калиновский [10], Ж.-Л. Гарди [9] считают, что к праву можно применить правила формальной логики, несмотря на его некоторые особенности; антиформалисты (Х. Перельман), напротив, утверждают [11], что правила формальной логики не применимы к праву (например, к обязательствам, вытекающим из договора: *prestation, obligation de faire ou de ne pas faire*).

Правовая доктрина и наука описывают все три уровня семиотического треугольника Г. Фреге. Это – *семантика* (отношение знака к своему объекту), включающая основные юридические понятия нормативности: запрет, дозволение, объявление; *синтактика* (отношение знаков друг к другу), включающая категории, т.е. состав концептов или норм, и *прагматика* – отношения между знаками и интерпретаторами, которые ими пользуются (деятельность суда, непосредственное регулирование правоотношений и т.д.).

В 70-ые гг. XX в. французские учёные (Ж.-Л. Гарди и Ж. Калиновский) изучали во-

просы роли и места юридических синтактики, семантики и прагматики в рамках отношений права, логики и эпистемологии, а также логики, семиотики и риторики (Ж. Калиновский). С одной стороны, этот состав искусств словесности напоминает средневековый тривий: грамматику, риторику и диалектику, с другой стороны, методологическую основу права, его юридическую технику, состоящую из 3 частей: терминологии, средств и инструментов правового регулирования и юридического рассуждения, каждая из которых вербализуется с помощью языка. В противовес металогики, объектом которой является язык логики (например, юридического рассуждения), юридическая семиотика изучает все юридические дискурсы (в том числе невербализованные и *raisonnement finaliste du juge, raisonnement à rebours* – рассуждение как обратный отсчёт, когда к готовому решению надо добавить доводы), при этом судью интересует только прагматика⁴.

Ф. де Соссюр утверждает, что, подобно писаной и устной формам права, языки нам доступны только в письменной форме (хотя ни право, ни язык в письменности не нуждаются, вплоть до нашего времени есть народности бесписьменной культуры). Что касается права, некоторые учёные считают, что в древности кодексы (Хаммурапи, Гортинские законы и т.д.) писали на стенах не для граждан полисов, а для чужеземцев, так как граждане хорошо знали правила своей жизни. Таким образом, мы видим уже первую дихотомию: **письменный язык/живой язык** (*langue écrite/langue vivante*), **писаное право/неписаное право** (*droit écrit/droit non-écrit*).

Право можно понимать в двух смыслах как текст и как конструкцию. Ниже следуют дихотомии знаковой теории Ф. де Соссюра, применённые к правовой конструкции.

² Как регулятор, право – механизм осуществления права, конструкция, обладающая юридичностью. Конструкция объединяет: действительность (реальный объект регулирования) – юридические факты (концепты, которые можно сравнить с системой фонем), коррелирующие с нормами, и нормы-регуляторы (предписывающие тексты). Каждая ипостась вербализована: действительность обыденным (естественным) языком, юридические факты и нормы специальным языком (*langage*). Дискурс правовой конструкции в целом является объёмным, так как линейный язык юридических фактов и норм соотносён с живой действительностью. Применение норм происходит благодаря юридическому рассуждению, приведению их в действие. В основе юридического рассуждения лежит приём формальной логики силлогизм, но юридическим в рассуждении является не дедукция из большой и малой посылок силлогизма, а именно их отыскание (Х. Перельман [11]). Объяснение юридичности права мы находим и в юридической герменевтике (Х.-Г. Гадамер [2]), к которой примыкает лингвистическая теория модальности.

³ В своей работе «Юридическая семиотика» П. Дюбуше называет Ж. Рея «пионером юридической семиотики» [7, с.142], написавшего в 1926г. *Essai sur la structure logique du Code civil français* [12], – первый труд по юридической семиотике, написанный на французском языке. П. Дюбуше подчёркивает, что Ж.Рей ещё мог не знать Общего курса Соссюра, т.е. не находился под влиянием лингвистических идей, но он заложил основы юридической семиотики [7, с.149].

⁴ В противовес металогики, которая изучает язык логики (например, юридического рассуждения) юридическая семиотика является мета-языком всех юридических дискурсов (*La sémiotique juridique est un méta-langage permettant d'expliquer le fonctionnement des différents « langages du droit » (qu'il s'agisse du langage du juge, du législateur, de la loi, ou même du « juriste-théoricien »)* [7, с. 33].

Внутренние и внешние элементы [6, с. 59]. Чёткое деление на внутреннее и внешнее необходимо для обеспечения чистоты метода. Подобно тому, как юристы Школы экзегетики (XIX в.) старались отсечь от чистого права то, что к нему непосредственно не относится, Соссюр отделяет этнологию, историю цивилизации, культуру и т.д. (т.е. знания) от языка, чтобы его рассматривать «в самом себе и для себя»⁵. Однако это деление не лишает исследователя возможности рассматривать язык с позиции внешней лингвистики и шире – с позиции вербализуемого им отдела знания, что происходит в наше время в междисциплинарных исследованиях. В начале XX в. это своеобразное «отстранение» было новаторством в лингвистике, юриспруденция к тому моменту от такого деления уже отошла, преодолев влияние Школы экзегетики. В основанной Ф. де Соссюром «семиологии» обнаруживаются постулаты Школы экзегетики: признание письменных текстов (*les textes avant tout*), признание необходимости изучать явление в закрытом пространстве «корпуса» единиц (*Tout le Code civil et rien que le Code civil* – Весь Гражданский кодекс и только Гражданский кодекс), отказ изучать эволюцию юридических институтов в диахронии и стремление рассматривать институты Гражданского кодекса в синхронии [7, с.13-14].

Различение плана содержания и плана выражения. С данными понятиями в современной науке коррелируют термины «означающее» и «означающее». В нашем случае проблема заключается в том, чтобы на основе данной дихотомии определить место языка (вербализатора) в правовой конструкции. Изучая моду, мебель и другие семиотические системы, Р. Барт считает язык их планом выражения [1, с. 276-277]. По отношению к праву это признать трудно, если считать право семиотической системой, ибо оно имеет свои собственные планы содержания и выражения. Следуя принятым сегодня в лингвоюридическом сообществе направлениям, отношения между языком права и самим правом можно уподобить отношениям между компьютерной программой и языком. Отличие состоит в том, что язык полностью виртуален, тогда как право непосредственно «выходит на» действительность. Так, элементы компьютерной программы (например, 0101) не подменяют на мониторе элементы языка. Трудность заключается в том, что и план содержания, и план выражения

правовой конструкции выражены с помощью языка, от которого юристы умеют абстрагироваться (подобно пользователю, который забывает о материнской плате). Путаница связана с тем, что к современному состоянию право пришло из обычного дискурса, основанного на обыденной картине мира, тогда как теперь оно требует жёсткой формализации, институционализации и особого юридического рассуждения. Разрешение этой дихотомии ставит вопрос о единицах знаковых систем.

Единицы системы. Во многих областях проблемы выделения единиц вообще не существуют, ибо единицы даны в непосредственном наблюдении. По мнению Ф. де Соссюра, в такой дисциплине как история, например, проблема единицы вообще не имеет значения. Язык, который Соссюр сравнивает с шахматной игрой, построен на противопоставлении значимостей (*valeurs*), поэтому в правовой конструкции, которую мы назовём шашками (выраженными с помощью другой игры – шахмат), проблема единиц оказывается весьма сложной. Ф. де Соссюр считал, что конкретно единицу надо искать не в слове, и очень трудно «установить, какими конкретно элементами оперирует язык». А говорящие не испытывают трудностей, они распознают значимости мгновенно. «Но одно дело интуитивно владеть всеми тонкостями мгновенного функционирования всех этих единиц, и совсем другое дело уметь их систематически анализировать» [6, с. 138]. Это замечание Ф. де Соссюра подходит и к праву. В праве имеются большие трудности с распознаванием «значимостей», а также с их эффективным использованием.

В качестве объективного критерия выявления единиц системы, т.е. знаков в семиотической системе, Ф. де Соссюр предложил основываться на системе позиционных различий, значимостей, поскольку для него язык (*langue*) – виртуальное понятие. Вслед за Ф. де Соссюром Г. Кельзен [3] ввёл понятие *validité* (сила, законность, действительность), придав ему в концептуальной системе права значение сходное с *valeurs* Ф. де Соссюра. Как известно, Соссюр заимствовал понятие *valeur* из экономической теории, а Г. Кельзен – из лингвистики. Как общественное установление право выступает фактором институционализации, поэтому в отличие от языка (системы знаков) правоведы его признают «системой институализированных знаков», осно-

⁵ Понятия «в самом себе и для себя», «вещь в себе» обсуждались древнегреческими философами, а также философами позднего времени [4, с. 97, 199].

ванной на символах, которые никогда полностью не отделяются от реальности [14, с. 148]. Право – не простая картинка реальности, так как в его системе присутствует «регулирующая воля законодателя», соответствующая его основной цели [14, с. 149]. Институционально закрепляемыми знаками (принимаемыми властными органами) правоведы считают правовые нормы и юридические концепты⁶, вербализуемые с помощью *langage* (специального языка).

Различия и тождества. С проблемой единиц и сущностей связана проблема различий и тождества. «Механизм языка зиждется на тождествах и различиях», причём различия – оборотная сторона первых [6, с. 141]. Соссюр указывает: «в семиологических системах, где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определённым правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости». Впоследствии «работу» системы определит порождающая грамматика Н. Хомского, а в юридической технике мы увидим средства правового регулирования и юридическое рассуждение, приводящее в движение юридические инструменты. В языке, как и во всякой системе знаков, то, «что отличает один знак от других, и есть всё то, что его составляет. Различие создаёт отличительное свойство, оно же создаёт значимость и единицу» [6, с. 154]. В применении к праву, хотя и не так прямолинейно, мы находим это, например, в толковании Суда Европейского союза, который определяет значимость норм в их взаимоувязанности в рамках отрасли или института и в системе в целом.

Произвольность знака. Именно из-за произвольности знака Ф. де Соссюр утверждает, что язык – «общественное установление в наиболее чистом виде» [6, с. 108], имея в виду, что связь между означаемым и означающим произвольная, т.е. акустический образ ничем не мотивирован. Позитивное право – искусственно созданная конструкция по сравнению с живым языком. Из общественных установлений к генезису живого языка приближается обычай. По существу язык в каждой сфере, которую он репрезентирует, – конгломерат упорядоченности и рассеянности, т.е. не чисто естественное явление (по крайней мере, письменный язык). На упорядоченность языка могут влиять, например, филологи, определяя форму письменности.

Говоря о том, что языковой знак произволен, что языку в принципе безразлично, каким звуком обозначено означаемое, Ф. де Соссюр всё-таки отличает полностью произвольный знак от символа, который характеризуется тем, что «он всегда не до конца произволен, не вполне пуст, в нём есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы нельзя заменить чем попало, например, колесницей» [6, с. 101]. Правовой концепт вообще не произволен, его означающее мотивировано по отношению к означаемому, с которым у него отличающаяся от языка связь.

В отличие от права говорящие не могут преобразовать язык, ибо язык не целиком произволен, в нём есть некоторая «разумность». Современная правовая конструкция целиком рациональна и телеологична и, по крайней мере, позитивное право может быть сознательно преобразовано и преобразуется. Таким образом, следует различать степень произвольности на всём пути жизни знака от его появления до исчезновения. В естественном языке произвольность действует по отношению к его бессознательности, в праве (регуляторе) – по отношению к его рукотворности. Упорядоченный на основе этих параметров язык права противопоставлен «рассеянному» общелитературному языку, который называют «естественным», и состоящему из фрагментов дискурсов всех отделов знания.

Линейный характер означающего. Линейный характер, протяжённость во времени означающего детерминируют весь механизм языка. Линейность (особенно воспринимаемых на слух языковых означающих) предопределяет грамматику и синтаксис. В противовес языковым означающим, воспринимаемым на слух, которые могут быть только линейными, юридические означающие могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях, создавать объёмность по отношению к действительности, находиться в иерархии и полностью зависеть от системы. Язык линеен, право нет, ибо право – рукотворная конструкция. Язык его визуализирует линейно⁷.

Изменчивость знака (*altération (évolution) dans le temps*). Поскольку в русском переводе и *altération*, и *mutabilité* переведены одинаковым словом «изменчивость», следует отметить, что

⁶ Законодательно закреплённые нормы и концепты отличаются от норм и концептов культуры.

⁷ Признаваемая лингвистами синтаксическая объёмность языка [15, с. 19] отличается от объёмности права, нацеленного на действительность. Объёмность правового пространства достигается с помощью юридической техники – искусства правового регулирования и лингвистической техники — техники вербализации.

первый термин Соссюра *altération* (отглагольное существительное) обозначает «изменение» (как действие), второй термин *mutabilité* (абстрактное существительное) обозначает возможность изменения и ближе по значению к русскому «изменчивость». Данное замечание свидетельствует о том, что во французском языке указанные лексико-грамматические оппозиции чётко осознаются носителями языка, на русском языке различия между ними, по-видимому, не воспринимаются так остро.

Каким бы ни было указанное изменение, оно приводит к сдвигу в отношениях между означаемым и означающим [6, с. 108]. Ф. де Соссюр считает, что этот сдвиг есть следствие принципа произвольности знака. Не умаляя способности самого языка к изменениям, следует отметить, что явления, определяемые как семантические сдвиги, могут быть результатом эволюции действительности. Эта ситуация напоминает противоречие в отношениях между законом и действительностью, когда действительность изменяется, а закон как формула остаётся неизменным. В терминах знаковой теории можно сказать, что отношения между означаемым и означающим постоянно меняются.

Изменчивость знака проявляется во времени, хотя устойчивость системы преобладает при всяком изменении. В праве также сама система обеспечивает устойчивость (целенаправленной, сознательной правоохранительной деятельностью), но она не может помешать самопроизвольному изменению дискурса, когда сама формула (даже правовая) подвергается эрозии (толкование римского права глоссаторами, комментаторами и постглоссаторами), самопроизвольной эволюции концептуальной системы права как семиотической системы. Эта ситуация сходна с тем, что происходит с языком: искусственный язык остаётся без изменений до тех пор, пока им не пользуются люди. Как только язык становится достоянием коллектива, контроль над ним теряется. Такова черта любой семиотической системы, борясь с этим явлением, юристы стараются «закрепить» (*consacrer*) норму разными способами.

Проблему **неизменчивости** (*immutabilité*) знака можно свести к двум вопросам, можно ли в любую минуту изменить законы языка и законы общественного установления (права). На первый вопрос Ф. де Соссюр отвечает: говорящие не осознают законов языка, на котором они говорят, а значит, не могут его изменить. Язык есть дело

всех и каждого. Каждый человек им пользуется ежеминутно, поэтому в языке революция невозможна, и этим он коренным образом отличается от права. Ответ на второй вопрос зависит от того, какой степенью свободы пользовались эти установления, каков баланс между навязанной обществу традицией и свободной от традиции деятельностью общества, полностью ли господствует исторический фактор преемственности. Даже в случае революции в обществе меняется не все. Сохранению преемственности способствует в том числе и язык. Правовой концепт – не произвол, он – результат целенаправленных действий, поэтому теоретически пользователи могут его изменить и изменяют. Помня о таких реальных возможностях права или даже о его предназначении влиять на действительность, французские юристы настойчиво указывают на необходимость преемственности (*continuité*) как на фактор обеспечения стабильности в обществе, устойчивости системы.

Непрерывность знака во времени (*continuité*), как и его изменения, «есть принцип общей семиологии» [6, с. 109]. Во французском языке имеются два термина, характеризующих континуум существования системы: *pérennité* (от лат. *per annum*) и *continuité*. Преемственность в той или иной степени присутствует во всех культурах и цивилизациях. Человек тем и отличается от животного, что имеет культурные ценности и хранит их. Культура – это память. Преемственность направлена на обеспечение порядка в обществе (цель), в праве она получает институциональное закрепление, например, в статье 5 Конституции Франции 1958 г., а также в ряде категорий, в том числе в особой категории «делегирования полномочий» (*délégation des pouvoirs*). Сама институциональная организация государства призвана обеспечить преемственность и непрерывность знака во времени.

Синтагматика и парадигматика. Исходя из того, что в языке «в каждом данном состоянии всё покоится на отношениях» [6, с. 155], Ф. де Соссюр использовал принципы синтагматики и парадигматики, что дало возможность изучить сочетаемость знаков и их порождающих моделей – принципы, характеризующие любую систему. Но он изучал сам дискурс, право же с помощью своих концептов изучает правоотношения.

Закключение Ф. де Соссюра [6, с. 120] о том, что «язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности», вполне применимы к

праву, что и сделал Г. Кельзен [3] (а до него Школа экзегетики), конструируя право в виде пирамиды на основе своей «теории чистого права». Однако пирамида в отличие от синхронии, которая ассоциируется с горизонталью, показывает вертикаль, иерархию, в которой действует фактор времени. В последнее время наряду с понятием системной взаимообусловленности и *cohérence* (целостности), используется диахроническая обусловленность («генетическая перспектива»), хотя бы в виде соотношения: предпосылки/результат, где фактор времени должен неизбежно учитываться.

Фактору времени Соссюр придавал большое значение в различении взаимозависимостей и значимостей, по его мнению, он создаёт двойственность наук. Для права он считал фактор времени несущественным, как не оказывающим существенного влияния на структуру науки: «Есть описательная наука о праве, и есть история права, но никто не противопоставляет их друг другу» [6, с. 112]. Юристы же время (наряду с пространством) считают одним из необходимых параметров описания правоотношений.

Синхрония/диахрония, статика/динамика.

Синхрония – общий подход, благодаря которому констатируется некое состояние на определённом срезе, упорядочивается система. Диахрония предполагает динамический фактор, производящий определённое действие и приводящий к определённому результату. Говоря об общих законах синхронии и диахронии, Ф. де Соссюр имеет в виду язык как систему. То же и в праве: право как регулятор, как общественное установление подпадает под определённые законы системы: устойчивость, равновесие, изменчивость и т.д. Существует и панхроническая точка зрения, отражающая постоянные свойства системы без учёта фактора времени. Но это будут лишь общие принципы. В отношении частных и осязаемых фактов панхронической точки зрения быть не может, так как они выпадают из системы. Противоречия между синхронией и диахронией нет. Если понятие в одном веке имело одно значение, а в другом веке – другое, они не отрицают друг друга, так как они принадлежат разным системам или парадигмам. В этом смысле систему можно было бы назвать «кругом» в положительном смысле или гравитационным полем, актуализатором (Ш.Балли), задающим системные признаки своим единицам. Таким образом, всю эволюцию общественного установления (института) можно представить в виде множества кругов – витков спиралей, связанных

между собой срезов в определённый момент времени и точке пространства, эволюцию явления следует рассматривать с учётом этих витков, в каждый момент на срезе в статике, а в целом в динамике.

Так как право образует, по признанию юристов, закрытую систему и более жёсткую, чем язык, важно осознавать, к какому временному плану относится исследуемый элемент, и не смешивать синхронию с диахронией. Учитывая, что регулятор, в отличие от языка, напрямую экстраполирован на действительность, диахрония не так уж далеко отстоит от синхронии, ибо прошлое проявляется в настоящем. Напрашивается вопрос, каково должно быть расстояние между срезами. Сравнение языка с правом показывает, что подходы к этому вопросу разные. Во Франции, к примеру, до сих пор действуют законы начала XX или даже XIX вв., и реформы Гражданского кодекса, касающиеся, главным образом, плана выражения, проводятся только теперь в XXI в. Реформы во французской орфографии предпринимались и в XIX, и в XX вв.

Системность права – особое явление, отличающееся от системности языка. Французские юристы считают право закрытой, жёсткой системой: принятие новых норм, концептов, терминов требует выполнения соответствующих процедур концептуализации, объективации, закрепления, опубликования, что влияет на систему. Эти процедуры являются формализацией когнитивных процессов, познания действительности и порождения новых смыслов. Учёные изучают вопрос, как из суммы известных смыслов рождаются новые, в том числе и в праве. В разных общественных установлениях используются одинаковые вокабулы, и иногда кажется, что они ничем не отличаются друг от друга (*actions* – иски, акции, мероприятия, действия и т.д.). Однако если это не универсалии, они не могут быть идентичными, так как их смыслы зависят от систем, к которым они относятся.

Системность правовых терминов создаётся юристами в рукотворной конструкции, отражающей систему правоотношений. Каждое правоотношение – своего рода подсистема. Право онтологически стремится к упорядоченности, из чего вытекает, что системность правового дискурса помогает регулировать действительность. Это является непререкаемым принципом, на котором зиждется система права, т.е. считается, что если будет упорядочен регулятор, то и действительность будет упорядочена.

Число знаков в языке бесконечно, язык – открытая система. Число знаков в праве ограничено, ибо право – это полная, закрытая, сбалансированная система.

Понятие позиции в системе связано с понятием состояния всей системы в определённый момент. Значимость каждого элемента в системе – зависит от его противоположения всем остальным элементам. Значимость фигур зависит от соглашения (конвенциональности), от правил игры, определённых до её начала [6, с.121]. Это понятие определяет смысл термина «системообразующий» признак. В языке сбалансированность (разновидность позиции) устанавливается естественно и бессознательно, что должно также учитываться в законотворческом (конвенциональном) процессе. Ведь это сильно влияет на эффективность нормы. Эффективность языка касается его самого, эффективность нормы влияет на правоотношения.

Избыточность. Известно, что любой язык избыточен, иначе коммуникация не будет осуществлена. Если сравнить английский, русский и французский языки с точки зрения их избыточности, то наиболее избыточным будет русский, наименее избыточным английский, хотя каждый язык избыточен по-своему. Подобным же образом и такое общественное установление, как право и его дискурс, может не быть совершенным и содержать нормы, дублирующие друг друга. Французские юристы указывают, например, на инфляцию норм, регулирующих права человека, отмечая, что каждый гражданин находится под действием 150 000 актов, к которым следует добавить 21 000 регламентов ЕС и 15 000 циркуляров [13, с.656]. И при этом «*nul n'est censé ignorer la loi*» (незнание закона не освобождает от ответственности). В праве избыточность связывается с его эффективностью, иными словами, проблема определяется как бытие и регулирование.

Воссоздание языка и права. Каждый человек пользуется языком и в каждый конкретный момент как бы заново его создаёт. Этот фактор целиком и полностью относится и к праву, когда Х.-Г. Гадамер пишет об аппликации, о конкре-

тизации правовой нормы при её применении к конкретному случаю, в каждый новый момент происходит познание действительности с помощью закона и его параметров.

Отношения между действительностью и системой можно свести к отношениям между естественным и рукотворным. Ф. де Соссюр мало говорит о действительности и только в плане её отражения в голове говорящего, потому что после перехода в виртуальное состояние язык как бы отрывается от неё и живёт сам по себе, право же предназначено для регулирования реальности, отражённой в концептах и конструкциях, соответственно телеологически, аксиологически, деонтически и нормативно. Оно устанавливает более прямую связь с этой действительностью, нежели язык, и «помнит» о ней благодаря своим системам.

Ф. де Соссюр говорил: язык – это не то, что дано нам в непосредственном наблюдении [6, с.136]. Так же и в праве в непосредственном наблюдении нам не видны его принципы, не видно естественное право. Возможность сравнения языка и права предполагает признание самостоятельности каждого из них. В принципе таким же образом сравнивается язык с любой другой семиотической системой (в том числе и такой, которая использует язык для своего выражения).

Находясь внутри системы, мы хорошо видим её элементы, но взгляд изнутри (например, терминология) не даёт возможности увидеть её очертания, системообразующие признаки. Для этого необходимо сравнение как элементов, так и систем в целом. Среди указанных признаков отметим институциональные параметры, служащие чёткими отличительными признаками двух систем: телеологичность, отношение к действительности (регулирование), терминологичность, эффективность, упорядоченность. Лингвистическая функция вербализации заставляет признать, что главным признаком права является его юридичность, а главным признаком языка – отсутствие денотата (У.Эко), пустота лингвистического знака, т.е. язык каждый раз вербализует не себя, а соответствующую сферу знания или коммуникации.

Список литературы

1. Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с. – (Философские технологии) с. 76 -77.
2. Гадамер Х.-Г., Истина и метод. Основы философской герменевтики, М.: «Прогресс», 1988. – 704 с.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. 1960, пер. с нем. СПб. Изд. Дом Алеф-Пресс, 2015, 542 с. http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf
4. Гегель Г. В. Ф.. Философия права. М.: Мысль, 1990, 524с.

5. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М: Логос, 2000. 448с.
6. Ф. де Соссюр, Труды по языкознанию, Изд. «Прогресс», М.1977, 695с.
7. Dubouchet, Paul. Sémiotique juridique, Introduction à une science du droit, PUF, Paris, 1990, 225 p.
8. Eco, Umberto. Sémiotique et philosophie du langage. PUF 1988. Quadrige. 2011, 3 éd. 265p.
9. Gardies J.-L. Essai sur les fondements à priori de la rationalité morale et juridique. LGDJ., 1972.
10. Kalinowski G. Introduction à la logique juridique, Eléments de sémiotique juridique, logique des normes et logique juridique, LGDJ, 1965.
11. Perelman C. Logique juridique. Nouvelle rhétorique, Dalloz, 2 éd., 1979.
12. Ray, Jean. Essai sur la structure logique du Code civil français, Alcan, 1926.
13. Roland H., Boyer L., Adages du droit français, 4e édition, Litec, Paris, 1999. – 1021p.
14. Sueur, Jean-Jacques Une introduction à la théorie du droit. Préface de Gérard Farjat, L'Harmattan, 2001, 208 p.
15. Tesnière, Lucien. Éléments de syntaxe structurale. Deuxième édition revue et corrigée, Paris. Éditions Klincksieck, 1976, 670 p.

Сведения об авторе:

Рекош Карина Хаджиевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). E-mail: karinarekosh@mail.ru.

LANGUAGE AND LAW IN THE LIGHT OF THE SIGN THEORY OF F. DE SAUSSURE

Karina Kh. Rekosh

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *The article draws on F. de Saussure's methodology to compare two public systems (institutions): the language (as verbalizator) and law (as regulatory structure) as different semiotic systems. To study the legal structure, Saussure's parameters (the division into internal and external aspects, the arbitrariness of the sign, the linearity of the signifier, the mutability/immutability, continuity, difference/sameness, syntagmatic/paradigmatic) should be expanded. We propose adding the parameters that characterize the iconic system from material and structural points of view (the hierarchical, pyramidal, systematic approaches, relationship of the genus/species, the public/private), as well as the principles and means of expression of the fundamental legal categories of normativity.*

Key Words: *dichotomy of the sign theory, arbitrariness of the sign, continuity through time, redundancy, relationship to reality.*

References

1. Barthes R. Nulevaja stepen' pis'ma. [Writing degree zero] – M.: Akademicheskij Proekt, 2008. – 431 s. – (Filosofskie tehnologii). S.76 -77.
2. Gadamer H. - G., Istina i metod. [Truth and method] Osnovy filosofskoj germenевtiki, M.: «Progress», 1988. – 704 s.
3. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. [Pure theory of law] 2-e izd. 1960, per. s nem. SPb. Izd. Dom Alef-Press, 2015, 542 s. http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf
4. Hegel' G. V. F. Filosofija prava [Philosophy of Law]. M.: Mysl', 1990, 524 p.
5. Peirce Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. [Selected philosophical works] M: Logos, 2000. 448 s.
6. Saussure F. de Trudi po jazikoznaniyu [Works on linguistics] Izd. «Progress», M.1977, 695с.
7. Dubouchet, Paul. Sémiotique juridique, Introduction à une science du droit, PUF, Paris, 1990, 225 p.
8. Eco, Umberto. Sémiotique et philosophie du langage. PUF 1988. Quadrige. 2011, 3 éd. 265p.
9. Gardies J.-L. Essai sur les fondements à priori de la rationalité morale et juridique. LGDJ., 1972.
10. Kalinowski G. Introduction à la logique juridique, Eléments de sémiotique juridique, logique des normes et logique juridique, LGDJ, 1965.
11. Perelman C. Logique juridique. Nouvelle rhétorique, Dalloz, 2 éd., 1979.
12. Ray Jean. Essai sur la structure logique du Code civil français, Alcan, 1926.
13. Roland H., Boyer L., Adages du droit français, 4e édition, Litec, Paris, 1999. 1021p.
14. Sueur, Jean-Jacques Une introduction à la théorie du droit. Préface de Gérard Farjat, L'Harmattan, 2001, 208 p.

15. Tesnière, Lucien. Éléments de syntaxe structurale. Deuxième édition revue et corrigée, Paris. Éditions Klincksieck, 1976. 670 p.

About the author:

Karina Kh. Rekosh — Ph.D., Associate Professor, Department of French language, MGIMO-University (Moscow, Russia). E-mail: karinarekosh@mail.ru.

★ ★ ★